

А на нем была лишь наброшена белая шелковая одежда, широкая и тонкая, едва прикрывающая обнаженное тело. С угла зрения Дань Чао все еще была видна половина изящного худого плеча и побелевшие пальцы, судорожно сжимающие пояс.

Но больше всего Дань Чао поразило не это.

А то, что другая рука пленника была пронзена кинжалом, который намертво пригвоздил ее к земле среди засохшей крови!

— ... Эй! — прищурился Дань Чао, осторожно постучав по деревянной решетке. — Ты... что с тобой?

Тот сначала не отреагировал, Дань Чао снова осторожно постучал несколько раз, и лишь тогда он словно внезапно очнулся от боли, слегка повернув лицо.

Это был лишь полупрофиль, и хотя боль и измождение отняли большую часть его сияния, глубокая, безупречная красота черт лица все равно создавала ощущение, будто сердце внезапно пронзили.

Дань Чао тоже невольно смягчил голос:

— Эй, что с тобой случилось?

На самом деле, в этом темном подземелье запертый и явно подвергнутый жестокому обращению пленник, чья одежда лишь небрежно наброшена, вызывал лишь очень неприятные, даже дурные ассоциации. Поэтому, задав вопрос, Дань Чао тоже почувствовал неловкость и тут же перефразировал:

— Ты хочешь выйти?

Тот уставился на него, и почему-то на его лице мелькнуло странное, неожиданное, весьма тонкое выражение.

— ... Как ты здесь оказался?

Возможно, из-за обезвоживания его голос звучал крайне хрипло, с некой среднего рода неопределенностью.

Но Дань Чао не обратил внимания на эту деталь, потому что кровавая сцена в камере вызывала у него крайне неприятное ощущение, даже смутные и очень некомфортные догадки.

— Долго рассказывать, я тоже здесь заперт. Послушай...

— ... Не зови никого.

Пленник перебил его, отвернулся, плотнее закутался в одежду и закрыл глаза. Длинные ресницы сомкнулись у внешних уголков глаз, образовав острый изгиб:

— Раз уж ты выбрался, уходи скорее... не останавливайся, не беспокойся обо мне.

Дань Чао отступил на полшага, взглянул на темную деревянную решетку и внезапно, собрав энергию, ударил ладонью по дереву.

Бам!

Вся решетка слегка затряслась, но не треснула ни на йоту!

— Не действуй силой! — тут же крикнул пленник. — Камера сделана из железного дерева, не разрубить!

Дань Чао серьезно сказал:

— Послушай, если бы я тебя не увидел, так и быть, но раз увидел — не могу пройти мимо, не оказав помощи. Не бойся, я не злодей. После выхода, хочешь искать родных, хочешь уйти сам — я не воспользуюсь твоим положением ни на йоту...

Пленник долго смотрел на него.

Взгляд был на самом деле очень странным, но в его сиянии, которое не могли скрыть ни боль, ни потрепанный вид, странность в выражении легко упускалась из виду.

— ... Вы обладаете добродетельным нравом, — наконец медленно проговорил он, затем сделал паузу. — Просто эту камеру можно открыть лишь отпиранием... Если вы действительно желаете помочь, прошу найти ключ.

Ключ.

Дань Чао мгновенно кое-что вспомнил, коротко сказал: «Прошу подождать немного» — и бросился бегом к своей камере. Служанка, приносившая еду, действительно еще не очнулась. Дань Чао обыскал ее пояс и нашел связку ключей, проверил дыхание, убедился, что она в порядке, затем снова прошел через извилистый туннель к двери камеры.

Тот, должно быть, стеснялся своей неопрятной одежды перед незнакомцем, и за эти короткие мгновения плотнее закутался в одежду, отчего казался еще более худым.

Дань Чао быстро попробовал несколько ключей, и, как и ожидалось, один подошел к железному замку. Он тут же распахнул дверь и вошел. Ему неловко было смотреть на неопрятно одетого человека, поэтому он устремил взгляд лишь на его руку, пригвожденную к земле: короткий кинжал был инкрустирован золотом и драгоценностями, грозно роскошен, лезвие намертво пронзило ладонь, засохшая кровь разбрызгалась вокруг на полшага, невозможно было представить, насколько мучительной и жестокой была та сцена.

Дань Чао ухватился за рукоять и, подняв взгляд, спросил:

— Выдержишь?

Пленник устремил на него взгляд, уголки его губ слегка дрогнули, словно улыбка.

Эта улыбка смутно показалась Дань Чао знакомой, но свет был очень тусклым, ситуация неотложной, и он лишь кивнул, одной рукой ухватив рукоять, другой придерживая руку пленника, и резко дернул!

Чпок —

Кровь тут же брызнула!

Дань Чао мгновенно прикрыл рану, но кровь успела забрызгать всю его ладонь, и лишь через мгновение постепенно остановилась.

Пленник, стиснув зубы, опустил голову, тело напряглось, как тетива лука, и лишь когда сильная боль ослабла, он, обливаясь холодным потом, перевел дух:

— Беспокою... беспокою вас.

Обычный человек к этому времени уже потерял бы сознание от боли, но этот пленник, хотя и был на грани изнеможения, оставался в сознании, и речь его была очень спокойной и мягкой.

Характер и внешность можно подделать, но достоинство и воспитание — вещи, идущие из глубин. В сердце Дань Чао что-то дрогнуло, и он смущенно отвел взгляд:

— Не стоит так говорить... Сейчас ситуация критическая, твою рану нужно немедленно перевязать, давай скорее найдем выход и уйдем отсюда.

Но пленник хрипло сказал:

— Не спеши. В этом подземном дворце несколько выходов, большинство из них охраняются тяжелой стражей, а один ведет прямо в кабинет дома Се. Если хочешь уйти незамеченным, есть лишь один путь...

— Какой?

— Оружейный склад.

Дань Чао опешил, пленник же, приподняв бровь, насмешливо спросил:

— Благодетель, ты же не собираешься вот так, с пустыми руками, вырваться из дома Се?

Спустя время, необходимое, чтобы сгорела одна палочка благовоний, Скрытые ворота резко распахнулись, и Дань Чао выбрался из туннеля.

Пленник говорил правду: едва выбравшись, он почувствовал налетевший холод, перед глазами предстал огромный пустой склад, со всех сторон царил полумрак, лишь факелы в четырех углах потрескивали, отбрасывая прыгающие огненные блики на суровые стены.

В оружейном складе высокие железные стеллажи рядами уходили под потолок, но большинство полок были пусты, не так уж много там было мечей и оружия.

Дань Чао прошел между стеллажами, и в сердце его шевельнулось беспокойство:

— Зачем дому Се строить такой большой оружейный склад, готовят мятеж?

— Командующий Се — человек императрицы, — сказал пленник позади него.

— Что это значит?

Дань Чао обернулся и увидел человека, скрестившего руки и прислонившегося к черной каменной стене, собранные в пучок волосы спадали с плеча. Хотя его лицо из-за потери крови казалось бледным, в нем была твердая, словно отполированная яшма, стойкость.

— Императрица У с нескольких лет назад заменяет священного императора, оставляя вермильоновые резолюции, с тех пор ее приспешники заполнили двор, власть и влияние достигли небес. В этом году император решил отправиться на гору Тайшань для жертвоприношений Небу и Земле. Услышав об этом, императрица У сама попросила заменить

первого министра и в качестве женщины взойти на алтарь для второстепенного подношения, вместе с императором возвестить Небу и Земле и именоваться «Два святых».

— Если это свершится, с тех пор императрица У сможет присутствовать на утренних приемах и вместе с императором управлять государством. Однако, хотя императрица У имеет огромную власть при дворе, остается группа, выступающая против нее, и эта группа пользуется большим доверием императора и имеет преимущество в соблюдении законов предков: это нынешний наследный принц из Восточного дворца.

Дань Чао нахмурился:

— Какое это имеет отношение к тайному оружейному складу в доме Се? Неужели...

— Да, — сказал пленник. — Борьба Вэйского князя за престол была не так давно, кровь у Врат Сюанью еще не высохла; основа нашей династии, протянувшейся на тысячи ли, сложена из костей и плоти, павших в междоусобных расправах.

Лицо Дань Чао изменилось, и лишь спустя время он с сомнением спросил:

— ... Как вы знаете об этом? Какие у вас отношения с Се Юнем...

Тот отвернулся, и спустя долгое время тихо произнес, его вздох был легок, как перо:

— Что благодетель думает... то и есть.

Дань Чао тут же глубоко почувствовал, что переступил границы, к счастью, смущение скрыла темнота.

Как раз когда он собрался извиниться и сгладить ситуацию, вдруг пленник, указывая вперед, с недоумением спросил:

— Посмотрите, что это?

Посмотрев в указанном направлении, он увидел в глубине темного оружейного склада тусклый свет, похожий то ли на синий, то ли на белый.

Дань Чао внезапно кое-что осознал, тут же быстрыми шагами двинулся вперед и, пройдя через множество возвышающихся железных стеллажей, увидел, что на открытом пространстве перед ним на шелковой ткани висят два длинных меча, и тот сине-белый тусклый свет исходил соответственно от этих двух мечей.

А левый был не кто иной, как Цисин Лунъюань Дань Чао!

После того, как Дань Чао «пригласили» в дом Се, его личные вещи из Храма Цыэнь, конечно, конфисковали, и появление меча Лунъюань здесь не было удивительным. Но Дань Чао не ожидал, что Се Юнь так естественно сможет конфисковать меч и присвоить его, и на мгновение в сердце его возникло крайнее отвращение. Он подошел, сдернул меч и взял его в руку.